

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕАЛА «ДУХОВНОГО СТРАННИКА» В ПРОЗЕ И. С. ШМЕЛЕВА И Б. К. ЗАЙЦЕВА

*Работа представлена кафедрой истории и теории литературы
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. А. Пономарева*

В данной статье конкретизировано понятие «странничество» в его аскетическом значении и определен мотив «духовное странничество» в художественной прозе. Раскрывается мотивация выбора духовной отстраненности от мира в сознании персонажей разных произведений И. С. Шмелева и Б. К. Зайцева.

Ключевые слова: понятие «странничество», мотив «духовное странничество», образ «духовный странник».

The article concretises the concept «wandering» in its ascetic meaning and determines the motive «spiritual wandering» in narrative literature. The author reveals the motivation of choosing spiritual dispassionateness in characters' consciousness in different works of I. S. Shmelev and B. K. Zaytsev.

Key words: concept of «wandering», «spiritual wandering» motive, «spiritual wanderer» image.

Художественная проза русской эмиграции стала благодатной почвой для развития темы «духовного странничества». В период антирелигиозной пропаганды и открытого уничтожения священства и верных Христу рядовых прихожан в России после 1917 г. русские писатели – носители христианского сознания – стали изгоями. Внешние, обстоятельствами определенное «странничество» вызвало потребность и большего внутреннего разграничения духовных ценностей. Внутреннее «странничество» родилось естественным порядком. Верующий человек в отвращении отшатнулся от новой социальной морали, от идеологии имперсонализма — нивелировки личности. С еще большим сердечным притяжением верующие души потянулись к Богу. На уровне светской культуры эти явления нашли отражение у религиозных философов и православных художников: в философии — в трудах о. Сергея Булгакова, И. А. Ильина, Л. П. Карсавина, С. Л. Франка, Г. П. Федотова, о. Георгия Флоровского; в живописи Нестерова, Корины; в прозе тех писателей, которые хотя бы в коей мере соприкасались

с христианскими идеями — у Б. Зайцева, И. Шмелева, Ив. Бунина и других.

По определению преподобного о. Иоанна Лествичника: «Странничество (уклонение от мира) — есть невозвратное оставление всего, что в отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию. Странничество есть недерзновенный нрав, неведомая премудрость, необъявляемое знание, утаиваемая жизнь, невидимое намерение, обнаруживаемый помысл, хотение уничтожения, желание тесноты, путь к Божественному вожделению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчания глубины» [5, с. 27].

Проблема «странничества» в аскетическом значении в богословской науке звучит нечасто: лишь в применении к теме монашества мы встречаем ее в святоотеческих словах. Подробное ее истолкование находим у преп. Иоанна Лествичника, в свидетельствах о духовных наставлениях преп. Нила Сорского, у Иосифа Валаамского старца. Среди современных богословов «странничеству» как явлению духовной жизни уделил внимание протоиерей А. Кураев в книге «Сатанизм для интеллигенции».

Духовное странничество есть внутреннее движение человека на его пути к Богу; это внутренняя и внешняя жизнь человека, равнодушного к земному, утилитарному, живущему только духом. В этом, здешнем мире такой человек странник, т. е. *сторонний* всего того, что привязывает его к суетному миру. Он – бесстрастный.

«Духовное странничество» – это ненависть к мирскому, но не к ближнему. «Мы удаляемся от близких наших, или от мест, не по ненависти к ним (да не будет сего), но избегая вреда, который можем от них получить» [5, с. 29]. Один из вариантов негативного опыта отстранения от мира встречаем у Л. Н. Толстого, в истории Андрея Болконского. Герой возмечтал полюбить все абстрактное человечество, охладил к миру под воздействием приближающейся смерти, – и не смог отдать тепла последнего прощания даже маленькому сыну. В Евангельском смысле «странник», как и любой сын Божий, заповедью Господней призван возлюбить ближнего. Ошибка Андрея Болконского именно в проникновении социального аспекта: социум нельзя любить. Такая любовь возможна лишь как иллюзия, она слишком теоретична. Гораздо труднее путь любви к конкретному ближнему, с прощением ему его ошибок (таковы герои Шмелева и Зайцева), с самоукорением, со смирением. Вторая ошибка «странника»-Болконского – то, что охладил к миру, он не успел привязаться и к Богу, полюбить Бога.

Герои-«странники» Зайцева и Шмелева воспринимают ближнего сквозь призму Божией любви. Весь их путь освящен Светом Разума. Они «странники» волею Бога, и искренность их веры не детерминируется возрастом или средой. Они «странствуют» не в тихой обители, а среди соблазнов мира и находят в себе мужество преодолевать их. Рядом с ними предаются соблазнам души, чуждые Богу, иногда – верующие, но немощные, не нашедшие в себе сил отринуть мир.

Художественная проза, в силу своей мисросозерцательной настроенности, необычай-

но глубоко разработала эту тему. Самоуглубленность, самопогружение – вообще характерные черты художника. У православного автора, в соединении с идеей чуждости миру и мирскому, созерцательность претворяется, переливается в идею «странничества». Даже излюбленный герой мирской, неправославной литературы обычно стоит в отдалении от «общества». Тем более православный персонаж, современник событий революции и гражданской войны. Тончайшие грани выражения идеи «духовного странничества» находим особенно в произведениях Б. Зайцева и И. Шмелева.

До Зайцева и Шмелева «духовных странников» мы встречаем в изобилии у Ф. М. Достоевского (князь Лев Николаевич Мышкин – «Идиот», Зосима, Алеша Карамазов – «Братья Карамазовы», блаженная Марьюшка – «Бесы» и множество других персонажей). Не менее их и у Н. С. Лескова (владыка – «На краю света», протоиерей Савелий Туберозов – «Соборяне»; «Очарованный странник»). И в литературе XIX в. эта тема была плодотворной для писателей, развивавших православные традиции. Все же герои Достоевского и Лескова не были поставлены в столь контрастные социальные условия. Герои «Братьев Карамазовых», «Бесов», еще более «Соборян», «Очарованного странника» – это жители Православной России, где неверующая интеллигенция – не самая многочисленная часть русского народа. Внешнее, обстоятельствами определенное одиночество постигает, скорее, Ипполита, Ивана Карамазова, Петра Верховенского. В лесковской прозе неверующего героя, враждебно настроенного к христианству, встречаем редко, – разве в образах подражателей Базарова, революционеров в антинигилистических романах «На ножах», «Загадочный человек», «Некуда», «Обойденные». Есть образы странников и у М. Горького, хотя мировоззрение его «философов-странников» – Макара Чудры, Коновалова – окрашены некоторым оттенком ницшеанства.

XX век обнажил для православного сознания тщетность каких бы то ни было социальных идей переустройства мира. «Постапокалиптическая» реальность (в условном понимании, если вслед за художественным сознанием серебряного века сравнивать революцию с Апокалипсисом) явилась страшным результатом социальных идиллий. В прозе Зайцева и Шмелева тема обретает новые грани. У них «странник» окружен «антихристовым воинством» – «теми, кто убивать ходят» («Солнце мертвых»). У Зайцева – Георгий Александрович («Золотой узор»), Глеб и Элли («Путешествие Глеба»); у Шмелева – Дарья Степановна («Няня из Москвы»), рассказчик, учитель, Таня из «Солнца мертвых», Пиньков, дьякон, старик педагог – с аскетическим опытом соединяют опыт мученичества, высший подвиг на пути к спасению. Они не только усмиряют плоть, но и в быту ежеминутно подвергают свою жизнь смертельной опасности. Это аскеты, самими внешними обстоятельствами (а значит, волей Бога) сопричтенные почти бесплотному бытию. Это мученики и исповедники одновременно. Особенно отчетливо эти чины святости явлены на примере дьякона из «Света Разума».

В творческой эволюции Шмелева и Зайцева прослеживается их собственное приближение к осмыслению глубинных духовных основ Православного бытия, несмотря на то, что подступы писателей к вере пролегли различными путями.

Показательно развитие от софиологии к Православию у Б. Зайцева, в начале века испытавшего влияние Вл. Соловьева. Немаловажную роль в этой творческой и духовной эволюции сыграл «агиографический» пласт. В поиске носителей идеалов духовных ценностей писатель обратился к образам великих православных Святых: от царя Давида и Алексия Божия человека – до русских Сергия Радонежского и Авраамия. В реальных жизнеописаниях Зайцев находил ценности, утерянные рационали-

стическим сознанием: жертвенная любовь Авраамия, благодатное смирение перед волей Бога блаженного Алексея, неколебимый духовный аскетизм Преподобного Сергия. «По словам самого Зайцева, «...жизнь Сергия дает образ постепенного, ясного, внутренне здорового движения. Это непрерывное, недраматическое восхождение. Святость растет в нем ограниченно. Путь Савла, вдруг почувствовавшего себя Павлом, – не его путь» [2, с. 15]. Это не был путь и самого Зайцева. Как тонко высказалась по этому поводу Е. В. Воропаева, «духовное развитие Зайцева шло от неопределенного мистического ощущения божественности мира к твердому православию» [2, с. 13].

Наиболее бурный и противоречивый характер приняла эволюция религиозно-нравственных идей в творчестве Шмелева, особенно в период катастроф и потрясений – с 1914-го по 1923 г. В произведениях этого периода две линии религиозного осмысления мира (социальная и внесоциальная) будут преобладать и постепенно углубляться во внутреннюю сущность веры.

Эмигрантская проза И. С. Шмелева значительно отличается от дореволюционной в осмыслении проблемы «вера и социум». В ранних повестях и рассказах «Человек из ресторана» (1911), «Карусель» (1913), «Лихорадка» (1915) и др. персонажи Шмелева обретали веру сквозь призму любви к обществу. Даже в эпопее «Солнце мертвых» (1921, в печ. 1923) мирозерцание рассказчика именно потому столь пессимистично, что душа его мучается всеобщим, всечеловеческим страданием. И вера возвращается к герою через внимание ближнего – чабана-татарина. Героиня одноименной повести Зайцева «Аграфена» также познает бытие Бога через материнскую любовь, сквозь призму выпавших на ее долю страданий и утрат. Но она проявляет уже окрепшую веру, в чем прослеживается духовное воспитание и зрелость Аграфены, повторяющей пример библейского Иова. По-

добно Аграфене, героиню романа Зайцева «Золотой узор», Наталью Николаевну, трагедия приводит к постижению глубинных основ веры – в череде мук и смертей самых близких ей людей (сына, мужа). Именно в Боге она видит единственное утешение в самые страшные минуты. «Он поднимал меня» [4, с. 189], – вспоминает Наталья Николаевна уже в эмиграции. Конечно, рассказчик «Солнца мертвых» еще не обладал духовной зрелостью в той мере, чтобы благодарить Создателя за скорби, подобно Иову Многострадальному (по призыву Ангела: «Убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его» [Откр. 14,17]). Тем не менее 1923 г. станет для Шмелева значительным рубежом. В последующей прозе писателя тема веры уже не поколеблется, герои все больше и больше будут укрепляться в ней.

Совсем по-иному происходит поворот к вере в мировоззрении героев ранней прозы (1900–1910 гг.) Б. Зайцева. Их духовная эволюция постепенна, в ней нет резких перепадов и противоречий. Основы мистического постижения мира «духовных странников» Зайцева лежат вне социальной сферы, поэтому ни войны, ни революция не способны их поколебать. Тема «духовного странствия» проходит через все творчество писателя, обрастая множеством вариаций.

Герои Зайцева – молодые люди, только что входящие в жизнь и на все обращающие свежий взор, видят мир как «божий Рай»: Миша в «Мифе», Петя в «Дальнем крае», Глеб в «Путешествии Глеба». Его персонажи утверждают в тленности и преходящести всего земного, поэтому трагическое воспринимается ими с тихой мудростью. Впервые обратившись к Евангелию и образам св. подвижников, герои Зайцева ищут вечных истин – Бенедиктов («Студент Бенедиктов»), Александр Иванович («Изгнание»), отвергая опыт материального постижения мира. Это пока не Православие, встреча с которым ожидается в романе «Дом в Пасси». Но дальнейшая перспекти-

ва этого духовного поиска становится ясна – героя покоряет «необычайное сияние» Евангелия, то «незыблемое», что содержит «сверхъестественное писание» [3, с. 254].

Удивительное преломление получает тема веры в произведениях 1920-х гг. у Шмелева. «Странник» в духовном смысле – высшая ступень аскетического христианского пути. Идея же «социального рая» – изобретение неверующего мира. Нигде в Евангелии мы не найдем призыва к социальному равенству. Напротив, предельное страдание в мире здешнем – главное условие духовного совершенствования христианина. «Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас», – возвещал Апостол Павел в Послании к Римлянам [Рим. 8, 18]. Зрелый Шмелев перестает быть «певцом сырых и обездоленных»; продолжателем традиций «Белых ночей» Достоевского.

Опыт «духовного странничества» – высшая ступень христианского совершенствования. Не случайно в «Лестнице» преподобного Иоанна, игумена горы Синайской, социальная идея не просто не является составляющим аспектом монашеского пути – она чужда, враждебна иноческому устроению. «Поспешая к жизни уединенной, или странничеству, не дожидаясь миролюбивых душ, ибо тать приходит нечаянно. Многие, покусившись спасти вместе с собою нерадивых и ленивых, и сами вместе с ними погибли, когда огонь ревности их угас со временем. Ощувив пламень, беги, ибо не знаешь, когда он угаснет, и оставит тебя во тьме. О спасении других не все подлежим ответу» [5, с. 27]. Именно таковы у Шмелева Пиньков («Крест»), дьякон («Свет Разума»), старик педагог («Однажды ночью»). Главный труд дьякона по обращению человека – молитва, церковная служба, проповедь, а не исправление социального бытия человека. Пиньков – действительный изгнанник в мире, где, под влиянием кардинального общественного крушения, обнажилась иллюзорная суть вещей. Герой

рассказа «Однажды ночью» – тоже добровольный изгнанник, находящий отраду в научных изысканиях и в молитве. А внешность старика доктора Михаила Васильевича из эпопеи «Солнце мертвых» уже при его земной жизни приняла черты святости: «Лучистые морщинки у глаз и высокий лоб в складках делают его похожим на древнерусского старца: был когда-то таким Сергей Преподобный, Серафим Саровский...» [6, с. 492].

Понятие «духовной нищеты» неотделимо от понятия «духовного странничества». О «нищете духовной» находим евангельские толкования Иоанна Златоуста, блаж. Феофилакта (епископа Болгарского), работы протоиер. Григория Дьяченко, А. П. Лопухина и других. Древняя церковь почитала смирение, или нищету духовную, венцом всех христианских добродетелей, основным началом христианского совершенства, лучшим украшением последователей Христа. «Нищий духом есть тот человек, который искренно признает себя духовным бедняком, ничего своего не имеющим; кто всего ожидает от милосердия Божия; кто считает себя грешнее, ниже, хуже всех; кто всегда себя укоряет и никого не осуждает. Подобный человек все достояние свое считает дарованием Господа и за все усердно благодарит Подателя всех благ» [1, с. 582]. Именно таких героев-«странников», «нищих духом» мы встречаем в произведениях И. С. Шмелева: Горкин из «Лета Господня», Дарья Степановна в «Няне из Москвы», дьякон из рассказа «Свет Разума». Эти люди не лишены духовной мудрости.

Дьякон и Дарья Степановна изначально «прилепились» к Богу, и реальность для них иллюзорна, почти не ощутима. Позиция аскета помогает им не преткнуться о социальные лишения. Там, где преданный миру человек впадает в отчаяние и гнев (Глафира и ее муж в «Няне из Москвы», регент в «Свете Разума»), отступает от Бога, ропщет на Него, уподобляясь разбойнику на кресте, аскеты не только сами остаются

стойкими, но и вокруг себя «спасают тысячи». Неграмотная старушка просветляет души своих бар, закоснелых атеистов. Мужичий с виду дьякон укрепляет прихожан (рыбаков и дрогалей) простыми, близкими сердцу, словами. Это уникальный опыт, которого мы не встречаем в литературе XIX в.

Позиция «странника» изначально освобождает человека от уз времени. В настоящем он живет Вечностью. Он независим от катастроф истории. Преданность вечным идеалам – заповедям Христовым – делает его сыном Вечности, обладателем нетленной души, возвышает его в глазах ближних, братьев и сестер во Христе. Они смотрят на него в ожидании духовного совета.

Подобный выход увидел для русского человека в изгнании Б. Зайцев. Его «странник-интеллигент» не встречал на своем пути стольких внутренних препятствий, как герой Шмелева – от бунтаря Шеметова в «Лике Скрытом» до разуверившегося в бытии Бога перед трагическими событиями рассказчика «Солнца мертвых». «Изгнание» героя Зайцева представляло собою добровольный порыв от плотского мира – в мир духовный. С еще большей определенностью этот мотив прозвучал в зрелом романе «Дом в Пасси» (1935) – призыв вести осознанную духовную брань с невидимым злом.

Тем не менее Зайцев реалистически видел судьбу русского интеллигента в XX в.: не каждая душа может стать сосудом, принимающим в себя Бога. Роман стал метафорой притчи Христа о «доме на камне» и «доме на песке»: спасительном пути православной духовности в образе монастыря в латинском квартале – и том страшном котловане, который готовит для себя безрелигиозная культура.

Художественное воплощение образа «духовного странника» – уникальный в эмигрантской прозе путь. Кроме Шмелева и Зайцева, вариации этой темы встречаются у Бунина (цикл «Под серпом и молотом», 1919–1931). Большинство современников –

М. Алданов, Д. С. Мережковский, И. С. Лукаш и др. – вновь и вновь искали разрешения причин социальной катастрофы в России, либо пытались с софиологических позиций рассматривать бытие человека.

Высшая точка устремлений «духовного странника» абсолютно инакова миру. Бог – Абсолютный Дух, человек – носитель (и в символическом смысле) земных начал.

Только через освобождение от всего земного, за гранью «человеческого» человек может принять в себя частичку Божественного Духа – стяжать Благодать. И проблема социальной устроенности, как одна из категорий земного, враждебна пути отречения от земного. Вот почему мудрейший из сынов человеческих – царь Соломон – пишет в конце своей жизни: «Суета сует – все суета» [Еккл. I, 2–3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяченко Григорий, протоиер. Вера, Надежда, Любовь. Катехизические поучения. В 3 т. М.: Донской монастырь. 1993. Т. 2.
2. Зайцев Б. К. Дальний край. Повести, рассказы. Вступ. статья Г. Н. Красникова. М.: Дрофа – Вече. 2003.
3. Зайцев Б. К. Собр. соч.: В 5 т. М.: Русская книга. 1999. Т. 1.
4. Зайцев Б. К. Указ. соч. Т. 3.
5. Преп. Иоанн Лествичник. Лествица. СПб., 1995.
6. Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. М.: Русская книга. 1998. Т. 1.